
УДК 327 (470)

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-30-35

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ МОБИЛИЗАЦИИ СОЦИУМА В РАКУРСЕ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yandex.ru

В статье рассматривается влияние последствий репрессивной социальной политики большевиков на возможности мобилизации населения в условиях внешней угрозы. Внимание, в частности, акцентируется на проблемах организации сопротивления войскам Вермахта на территории Кабардино-Балкарской республики в период Великой Отечественной войны. Отмечается, что здесь, как и в других районах страны, имевшие место случаи уклонения от призыва на фронт или же контакты с немецким командованием, в подавляющем большинстве не являлись актами предательства и разделения нацистской идеологии, а скорее были следствием реакции на два десятилетия тоталитарного прессинга. Исследователи истории республики в годы Второй мировой войны обходили вниманием данную проблематику, что обуславливало однобокость в освещении событий того периода. Для историографии вопроса характерно сосредоточение на процессах героической борьбы, что оставляло в тени положение угнетенных слоев населения, которое на фоне немецкого вторжения не было в достаточной степени мотивировано на сопротивление, что негативно сказалось на обороноспособности региона.

Ключевые слова: революция, вермахт, большевики, Кабардино-Балкария, репрессии, Северный Кавказ, индустриализация, дезертирство.

Говоря о трагических последствиях революции 1917 г. для судеб российского народа, связанных с Гражданской войной, террором, репрессиями, продразверсткой, коллективизацией, голодом, игнорированием фундаментальных прав и свобод человека и гражданина в условиях укрепления тоталитарной системы, тем не менее, допускают оправданность этих невзгод необходимостью решения более масштабных задач. Это, прежде всего, модернизационный скачок, выразившийся в превращении аграрной страны в индустриальную, что в свою очередь, позволило значительно повысить ее военную мощь и обороноспособность. Считается, что именно эти усилия большевиков спасли страну от поражения во Второй мировой войне.

Можно дискутировать о том, могла ли Россия, не будь революции со всеми ее потрясениями, достичь того же модернизационного сдвига и в те же временные рамки? И насколько оправданы жертвы индустриализации, если советская промышленность не смогла в полной мере обеспечить потребности фронта, которые были компенсированы крупными поставками союзников по антигитлеровской коалиции, прежде всего США.

Но, не вызывает сомнений следующее обстоятельство. Заданная революцией агрессивная политика большевиков в социальной, национальной, духовной, хозяйственной сферах и жестокие репрессии против недовольных такой политикой, способствовали формированию значительного слоя людей в той или иной степени притесненных действиями властей, лояльность которых поддерживалась угрозой

насилия. Естественно, на фоне немецкого вторжения угнетенные слои советского населения, в том числе и мобилизованного в армию и на тыловые работы, не были в достаточной степени мотивированы на сопротивление, что негативно сказалось на обороноспособности страны. Отсюда и сотни тысяч советских солдат, попавших в плен в первые месяцы войны, и случаи перехода целых воинских подразделений на сторону противника (конечно для борьбы с большевизмом, а не со своим народом), и невозможность обеспечить тотальное сопротивление многомиллионного населения, оказавшегося на оккупированной территории. Подобное не случалось в Российской империи, также участвовавшей в крупных военных компаниях.

А. Солженицын в своем «Архипелаге...», озвучивая причины непротivления или же прямого сотрудничества части населения страны с немцами, отмечает, что его ряды в подавляющем большинстве составляли не бывшие белогвардейцы, монархисты и прочие контрреволюционеры, мечтавшие расквитаться с большевиками, а, собственно, советские граждане, возросшие при коммунизме. *«Эти же десятки и сотни тысяч – полицаи и каратели, старосты и переводчики – все вышли из граждан советских. А это прежде всего те, по чьим семьям и по ком самим прошли гусеницы Двадцатых и Тридцатых годов. Кто потерял родителей, родных, любимых. Или сам тонул и выныривал по лагерям и ссылкам. ...Всех этих несчастных душили, травили, не принимали на работу, гнали с квартир, заставляли подыхать. А верующие? Двадцать лет кряду гнали веру и закрывали церкви. Пришли немцы и стали церкви открывать. ... Не могла быть родною та власть, которая ...довела до колхозной нищеты, до нравственного вырождения и вот теперь до оглушающего военного поражения. Оказалось, что республики хотят только независимости! деревня только свободы от колхозов! рабочие – свободы от крепостных указов. Когда началась советско-германская война – через 10 лет после душегубской коллективизации, через 8 лет после великого украинского мора, через 4 года после бесовского разгула НКВД, и все это при 15-миллионных лагерях в стране и ясной памяти пожилото населения о дореволюционной жизни, естественным движением народа было – вздохнуть и освободиться, естественным чувством – отвращение к своей власти. Кто помнит великий исход населения с Северного Кавказа в январе 1943, и кто его даст аналог из мировой истории? Чтобы население, особенно сельское, уходило бы массами с разбитым врагом, с чужеземцами, только бы не оставаться у победивших своих. Вот здесь и лежат общественные корни тех добровольческих сотен тысяч, которые даже при гитлеровском уродстве отчаялись и надели мундир врага»¹.*

Беспокойство относительно благонадежности населения в условиях гитлеровского вторжения у советского командования вызывали национальные регионы страны, в том числе, и Северный Кавказ. Здесь революционные «преобразования» так же негативно сказались на жизни многих слоев населения, что накладывалось, к тому же, на эхо Кавказской войны и связанные с ней образы потерянной свободы, этнической катастрофы и колониального прессинга.

Большевики, утверждая свою власть в регионе выступили поначалу как освободители северокавказских народов из-под «имперской пяты», пообещав им широкую автономию, вплоть до создания независимых государств, и возвращения земель, отторгнутых под крепости и казачьи станицы в период российской военной колонизации. Эти обещания привлекли широкие слои горцев, поддержка которых (в частности, в борьбе против Добровольческой армии А. Деникина) явилась одним из решающих факторов победы советской власти на Северном Кавказе.

Однако, дальнейшие события показали, что обещания были тактическим ходом, маневром большевиков на пути советизации региона. Предоставленные горцам национальные образования по сути не обладали сколько-нибудь выраженной политической самостоятельностью и управлялись, спускаемыми из центра указами. Наделение земель одних народов, осуществлялось за счет других, в частности

кабардинцев. Но наиболее болезненно воспринимались в горской среде мероприятия большевиков «по борьбе с национальными и религиозными пережитками», якобы препятствующим построению светлого будущего. Именно под этим лозунгом проходила кампания по закрытию мечетей, учебных духовных заведений, шариатских судов, дискредитации традиционной культуры и насаждению чуждых социалистических культурных стандартов в бытовую сферу социума. Подобная ситуация сложилась и в Кабардино-Балкарской республике, на событиях в которой в годы Великой Отечественной войны, здесь фокусируется внимание.

В. Кажаров, исследуя проблемы этнического воспроизводства кабардинцев в условиях советской государственности писал, что «царская Россия покорив» последних «и затем установив жесткую систему колониального господства над их остатками, при этом не вторгалась в жизненно важные сферы традиционной культуры народа». Советская же Россия активно занималась разрушением этой культуры². Наступление на культурные ценности, сопровождавшееся репрессиями и прямой ликвидацией представителей национальной интеллигенции и духовенства и усилившееся на фоне коллективизации, спровоцировало в конце 20-х гг. XX в. крупные крестьянские антисоветские восстания.

Тем не менее, с началом Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии была проведена мобилизация и тысячи ее жителей достойно проявили себя в борьбе с Вермахтом. Однако два десятилетия тоталитарного гнета все же отразились на настроениях как оказавшихся на фронте, так и оставшихся в тылу, а за тем и в зоне гитлеровской оккупации. Военный комиссар Баксанского района Кабардино-Балкарии А. Алексеев вспоминал, что накануне занятия немцами Нальчика был вынужден эвакуировать своих малолетних детей и жену, поскольку «в городе были предатели, которые могли передать семью военного комиссара гестапо, а такие факты были»³.

На состоявшейся 28 декабря 1946 г. Областной партийной конференции первый секретарь Кабардинского областного комитета ВКП(б) Н. Мазин подверг резкой критике деятельность своего предшественника З. Кумехова по руководству региона в военные годы. В числе прочего, Мазин, не ставя под сомнения заслуги жителей республики в победе над противником, все же отметил следующее: *«В первый же период Великой Отечественной войны, при мобилизации людей на фронт в республике было массовое дезертирство. Многие скрывались от мобилизации, уходили в леса и горы. При этом, среди дезертиров было много коммунистов. Уже тогда в горах были случаи вооруженного нападения на партийных и советских работников. 72 процента областной партийной организации не эвакуировалось. При этом, на оккупированной земле остались не только рядовые коммунисты, но и часть руководящих работников явно не желала эвакуироваться. Созданная из кабардинцев и балкарцев 115 национальная кавалерийская дивизия при первых столкновениях с врагом показала неустойчивость, многие перешли на сторону немцев, до 700 человек покинуло фронт и с оружием вернулось в селения республики, большинство из них ушло в банды и на нелегальное положение. Настоящего партизанского движения в республике не было. Сформированные накануне оккупации партизанские отряды, по существу, бездействовали и не находились в тылу немецких войск. Более 50 процентов партизан перешло линию фронта и сдалось добровольно немцам. Например, партизанский отряд Нальчикского района полностью перешел к немцам. За весь период немецкой оккупации не было случая выступления населения против немцев. При отступлении немцев с территории Кабарды с ними добровольно ушло по далеко неполным данным 1679 человек»*⁴.

Озвученные партийным руководством республики факты подталкивают к корректировке устоявшихся в историографии представлений, касающихся некоторых сюжетов периода немецкой оккупации Кабардино-Балкарии.

На наш взгляд, дезертирство и уклонение от мобилизации в немалой степени явились своего рода реакцией жителей республики на репрессивную политику советской власти. В годы Первой мировой войны горцы Северного Кавказа, несмотря на сложности адаптации в российском имперском пространстве, добровольно сформировали Кавказскую конную (Дикую) дивизию, завоевавшую славу как наиболее боеспособное, дисциплинированное, эффективное воинское подразделение. В действиях царской администрации на Кавказе имелись случаи правовой и хозяйственной дискриминации в отношении горцев, но в отличие от большевистской власти она не покушалась на духовную сферу и традиционный уклад их жизни.

В царской армии, в отличие от советской, в горские подразделения, экипированные в национальные костюмы, включались духовные лица, для служащих-горцев изготавливались ордена со специальной культурно близкой символикой. В знак особого расположения горские полки возглавляли члены императорской фамилии. Высокие военные чины и сам Император считали возможным лично выражать признательность горцам за службу.

Как пример такого обходительного обращения можно привести встречу с Николаем II кабардинского общественного деятеля, также служившего в Кавказской конной дивизии, В. Кудашева, о подробностях которой он поведал в письме Начальнику Нальчикского округа С. Клишбиеву: «Николай II, – сообщает Кудашев – удостоил меня особым вниманием как представителя кабардинского народа, поблагодарил за службу в Кабардинском конном полку и сказал, что его брат князь Михаил, будучи начальником Кавказской Дивизии удостоился ордена св. Георгия благодаря блестящим действиям именно Кабардинского полка»⁵. Горские полки на различных фронтах оправдывали оказанное им доверие. Уже после Февральской революции, когда начался развал российской армии, они сохраняли дисциплину и до момента роспуска готовы были подчиняться приказам начальства. Мобилизованные же в Красную армию жители Кабардино-Балкарии не могли рассчитывать на какое-либо особое отношение командного состава, с поправкой на этноконфессиональные отличия.

Приступая к продвижению на Северный Кавказ, немцы преподносили себя как освободители горских народов от большевистского режима и обещали вернуть дореволюционные порядки. Эти обещания, конечно, встречали поддержку. Солдаты Вермахта при взаимодействии с местным населением в соответствии со специальными инструкциями⁶, должны были избегать грубости и насилия. Конечно, это не касалось комиссаров, партийных работников, членов партизанских отрядов, подлежащих уничтожению. Были случаи репрессий в отношении и мирных жителей. Но, в целом, период гитлеровской оккупации в горских областях и, в частности в Кабардино-Балкарии не сопровождался массовыми карательными акциями в отношении гражданских лиц, подобными, к примеру, той, что произошла в Хатыни в 1943 г. Напротив, такие акции проводились частями Красной армии. Случаи вооруженного нападения на партийных работников и военнослужащих, совершенные сформированной в горной местности антисоветской группировкой, послужили поводом для крупной карательной операции, проведенной в ряде сел Черекского района Кабардино-Балкарии в ноябре 1942 г., в ходе которой было уничтожено по разным оценкам до 800 человек, не имевших никакого отношения к деятельности повстанцев, включая стариков, детей и женщин⁷.

Некоторые жители Кабардино-Балкарии, заставшие немецкую оккупацию будучи детьми и подростками, отмечали случаи толерантного поведения солдат Вермахта, а также, что с приходом немцев у людей появилась возможность посещать мечети, открыто справлять религиозные праздники. Жительница Майского района Кабардино-Балкарской республики Вера Лукьянцева вспоминает: «*Запомнилось немецкое Рождество. Два немца пришли к нам, пропели свои колядки и*

вручили каждому по леденцу. Перед приходом немцев отелилась корова. Теленок подрос и бегал по загону. Немцам он очень нравился. Они обступали загон и от души смеялись над его проделками. Немцы скот, птицу не воровали. Немцы оставили о себе мало плохих воспоминаний, мало кто их ругал»⁸.

После отступления советских войск с территории Кабардино-Балкарии здесь было создано «Национальное правительство в Свободной Кабардино-Балкарской республике». Его члены в переговорах с главнокомандующим группировкой Вермахта фельдмаршалом фон Клейстом озвучили свои политические требования: признание за народами Кабардино-Балкарии права на свое национально-государственное самоопределение, роспуск колхозов, образование национального правительства в республике с передачей ему всей полноты власти по народно-хозяйственному и гражданскому управлению страной, неприкосновенность горских евреев, проживающих в республике, разделение земли на основе частной собственности, организация выборов духовных лиц и открытие мечетей, возвращение бывшим владельцам их частной собственности, экспроприированной большевиками. Фельдмаршал согласился практически со всеми требованиями, в том числе, признал независимость Кабардино-Балкарской республики, но попросил повременить с роспуском колхозов, так как немцам было удобней контролировать и направлять хозяйственную деятельность местного населения по созданным большевиками механизмам, но уже самим пользоваться ее плодами. Однако это не устроило правительство республики, и оно направило фон Клейсту письмо, в котором указывалось, что «роспуск колхозов – решающий политический фактор и, что неприятие выставленных требований вызовет обратную отрицательную реакцию и уход всего мужского населения и части женского в партизаны для ведения борьбы уже против немцев». В письме также указывалось, что «народы Кабардино-Балкарии боролись и борются против большевиков за свою свободу и будут продолжать борьбу и против немцев, если народ не получит полной свободы». В итоге германское командование пошло на уступки в вопросе роспуска колхозов. День освобождения от большевиков (30 октября 1942 г.) был объявлен нерабочим днем. Состоялись торжества и был поднят флаг свободной Кабардино-Балкарии⁹.

Как видно из действий самопровозглашенного политического руководства республики периода гитлеровской оккупации, оно, помимо прочего, реализовывало курс на демонтаж революционных преобразований, на возврат к дореволюционному укладу жизни социума, в чем было крайне заинтересовано большинство местного населения. Немецкое командование, как гарант реализации данного курса, надеялось на лояльность местного населения. В то же время речь не шла о поддержке руководством и жителями республики нацистской идеологии, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что здесь в отличие от остальных оккупированных Гитлером территорий, как в Европе, так и в СССР еврейское население оказалось в неприкосновенности. И в этом заслуга как простых граждан, так и политических лидеров, оказавшихся у власти в Кабардино-Балкарии после отступления частей Красной армии. Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что проводимые Вермахтом в Кабардино-Балкарии мероприятия носили пропагандистский характер и были направлены на ослабление советского сопротивления.

Таким образом, рассмотренные факты позволяют иначе взглянуть на события периода оккупации Кабардино-Балкарии. Вскоре после освобождения новое руководство республики подвергло критике неудовлетворительную реализацию своими предшественниками эвакуации партийных органов, организации партизанского движения и допущенными случаями сотрудничества населения с немецким командованием. Обнародованные факты можно расценивать как проявления активных и пассивных форм неприятия политики советской власти в 1920–30-х гг. Возникшие проблемы мобилизации социума в чрезвычайных условиях военного времени были связаны с последствиями Российской революции 1917 г., которая,

начавшись как движение к демократии, привела к установлению большевистской диктатуры. На примере Кабардино-Балкарии наглядно проявилась закономерность, которая заключалась в том, что тоталитарные режимы в случае внешней угрозы сталкиваются с проблемами мобилизации угнетаемого населения, которое, в условиях потери властью прежних возможностей принуждения и насилия, лишается должной мотивации к сопротивлению противнику, связывая с ним (часто напрасно) перспективы нормальной жизни, невозможной при «своем» режиме.

Примечания

1. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ // <http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/gulag3.txt>
2. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 58.
3. Архив КБГИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 44. Л. 73.
4. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1380. Л. 121–126.
5. УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33. Л. 13. С. 15.
6. См.: *Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012.
7. См. подробнее: Черекская трагедия. Нальчик, 1994.
8. *Вера Лукьянцева.* Немцев мало кто ругал // Газета Юга. 15 марта. 2018. № 10.
9. Архив КБГИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 24. Л. 1–9.

KABARDINO-BALKARIA CONDITIONS OF THE GERMAN OCCUPATION: PROBLEMS OF MOBILIZING THE SOCIETY IN THE PERSPECTIVE OF THE TRAUMATIC EXPERIENCE OF THE BOLSHEVIK REFORMS

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The article examines the impact of the consequences of the repressive social policy of the Bolsheviks on the possibilities of mobilizing the population in the face of an external threat. Attention, in particular, focuses on the problems of organizing resistance to Wehrmacht troops in the territory of the Kabardino-Balkarian republic. Here, as well as in other parts of the country, cases of evasion from conscription to the front or contacts with the German command, in the overwhelming majority were not acts of treason and sharing of Nazi ideology, but rather were an outcome of reaction to two decades of totalitarian pressure.

During the Second World War researchers of the history of the republic ignored this problem, which caused one-sidedness in covering the events of that period. The focus on the scenes of the heroic struggle left the situation of the oppressed groups of the population in the background, which was not sufficiently motivated to resist the German invasion, that had a negative impact on the country's defensive capability.

Keywords: revolution, Wehrmacht, Bolsheviks, Kabardino-Balkaria, repression, the North Caucasus, industrialization, desertion.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-30-35